

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБИТАТЕЛЕЙ ДВУРЕЧЬЯ О НАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ И ГЛИПТИКА КОНЦА IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III ТЫС. ДО Н.Э.

Печати Двуречья уже давно признаны важнейшим источником по истории, культуре, религиозным представлениям носителей одной из древнейших цивилизаций¹. Можно думать, что с совершенствованием процедуры анализа этих памятников их значение должно еще возрасти. В настоящее время, несмотря на большое число посвященных им исследований, все еще остаются нерешенными многие вопросы, в том числе относящиеся к числу кардинальных для этой категории. Так, не вполне ясны взаимоотношения изображений на печатях, мифа и ритуала. До сих пор не могут считаться вполне ясными причины, позволившие этим предметам занять столь важное место в цивилизации Двуречья. Предметом пристального анализа должны еще стать многие сюжеты и отдельные изобразительные мотивы.

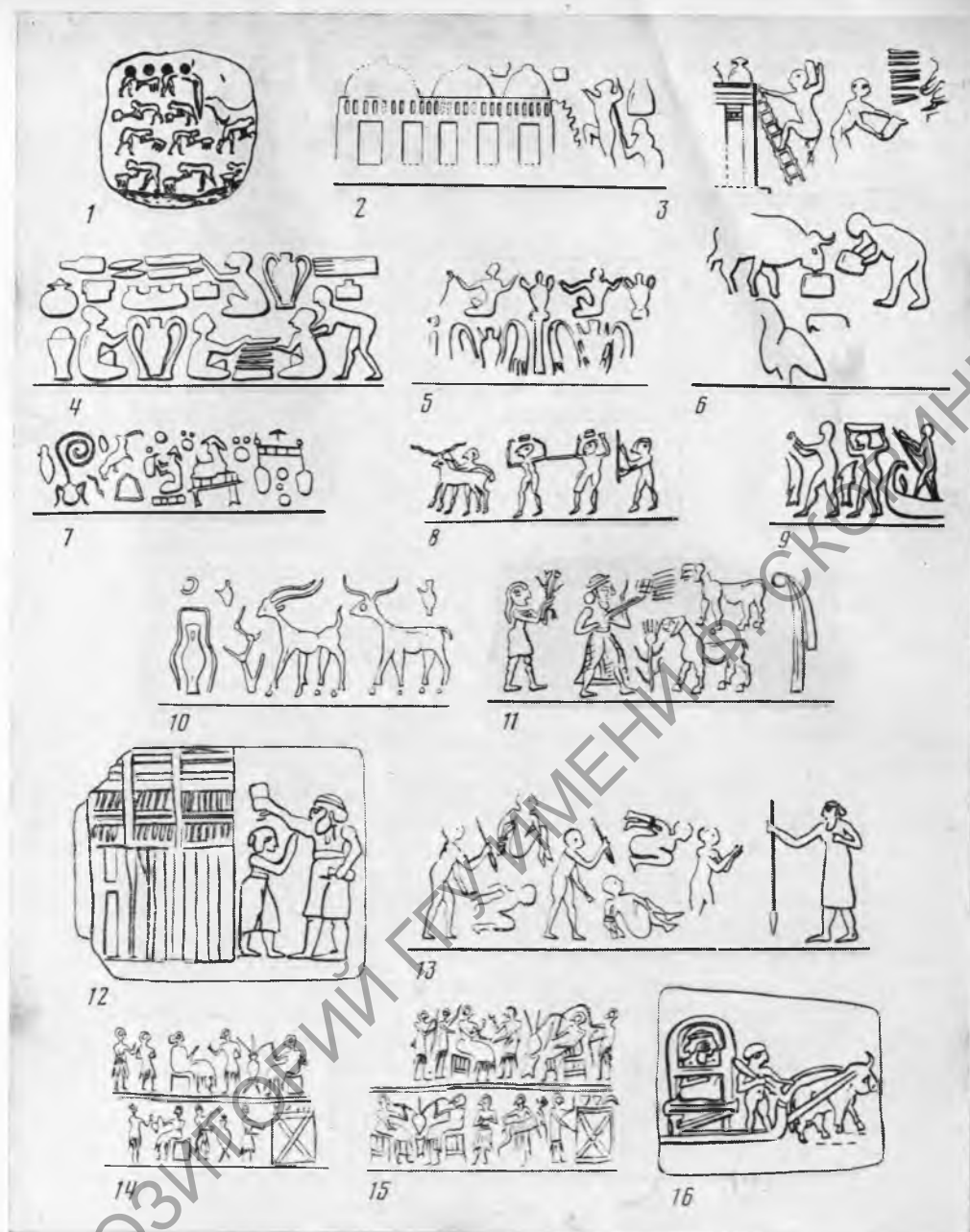
Среди изображений на печатях додинастического (периоды Урук и Джемдет Наср, или протописьменный период) и раннединастического времени известна группа, представляющая особый интерес. Печати ее несут изображения, определяемые как «сцены повседневной жизни»². В додинастическое время это изображения пастьбы скота, охоты, рыбной ловли, консервирования рыбы и т. д. (аналогичные изображения найдены и на печатях хронологически близких слоев в Сузах). Эти печати рассматривают как не связанные с культовой тематикой, чем объясняется их название. Изображения отмечает поразительный для столь раннего времени «реализм», вернее жизнеподобие. Впервые, по словам крупного исследователя культуры Двуречья А. Парро, объектом изобразительного искусства стала не только охота, но жизнь человека в различных проявлениях, сводящаяся к двум вечным темам: война и мир³. Божества в антропоморфном облике еще не изображались (рис. 1, 1—13).

П. Амье, как и большинство исследователей, считает, что «сцены повседневной жизни» являются отражением реальной действительности. По его мнению, данные печати были изготовлены и предназначались для создателей городской цивилизации. Схематизм некоторых образцов, выполненных бутеролью, предполагает массовый характер их производства

¹ Упомянем лишь некоторые из работ, где помимо формального дается и содержательный анализ изображений: *Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939; idem. Gods and Myths on Sargonid Seals. — Iraq, 1934, v. 1; Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961; idem. Glyptique susienne des origines à l'époque des perses Achéménides. — MDAI, t. XLIII, P., 1972; Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.*

² *Amiet. La glyptique mésopotamienne...*, № 205, 206, 252, 254—258, 260; 313, 317, 381; 609; обработка земли см. *idem. Glyptique susienne...*, № 621; строительство — № 660—663.

³ *Parrot A. Archéologie mésopotamienne. Technique et problèmes. P., 1953, p. 243.*

Изображения на печатях додинастического (1—13, 16) и раннединастического времени (14—15) № 1—7, 9 — из Суз (по П. Амье)

возможно, печати принадлежали самим пастухам, ремесленникам и другим членам персонала храмового хозяйства⁴. Изображения, таким образом, признаются не связанными с культом и мифологическими представлениями.

В то же время среди тематически относительно однообразных сцен ремесленного труда есть такие, которые не допускают столь однозначной интерпретации. На этих печатях мы видим сидящих около сосудов людей⁵,

⁴ Amiet. La glyptique mésopotamienne..., p. 101—103.

⁵ Ibid., pl. 19—21; Amiet. Glyptique susienne..., pl. 15—17.

иногда же изображены козлы, быки, скорпионы⁶. На одной сузианской печати представлен сидящий персонаж с двуручным сосудом в руках, рядом с женским существом в эротической позе, благословляющим коз⁷. Такие композиции заставляют предполагать и другие возможности понимания «ремесленных сцен»⁸. Обращает на себя внимание и то, по-видимому, неслучайное обстоятельство, что из всех видов ремесленной деятельности резчики печатей избрали объектом изображения практически одно гончарство (рис. 1, 4—5, 7?).

«Сцены повседневной жизни» не рассматривались исследователями в контексте мифа и ритуала, за исключением тех случаев, когда на это дают прямое указание сами изображения. Такой подход — неизбежное следствие «дифференцирующего» понимания содержания изображений на печатях, в соответствии с которыми Г. Фрэнкфорт различал в досаргонвской глиптике сцены культового характера и «светские» сцены⁹, а А. Парро делил изобразительные памятники того же времени на исторические и мифологические на том основании, что на первых нет изображений богов¹⁰, в то время как общеизвестно, что древние рассматривали факты своей истории сквозь призму мифологии. Разумеется, тематика изображений разнообразна, и связь их с ритуалом и мифом не всегда выражалась непосредственно. В этом могло и не быть нужды, потому что для современников такая связь была очевидной. Понимание глиптики как системы, отдельные элементы которой, несмотря на формальные различия, имели в конечном счете одно общее содержание, актуальное для культуры и соответствующее характеру мировосприятия ее носителей¹¹, позволяет предполагать ритуально-мифологическую соотнесенность и для самых с современной точки зрения бытовых сюжетов. Но даже рассмотрение интересующих нас сцен вне всей системы глиптики не может, с нашей точки зрения, ограничиться их интерпретацией как бытовых, в частности, потому, что она не учитывает специфику их оценки самими носителями культуры. Этот аспект не должен нами игнорироваться: взгляд не только «извне», но и «изнутри» данной традиции может дать наиболее адекватное понимание древних памятников. По поводу тематически близких изображений на стенах египетских гробниц О. Д. Берлев пишет: «В гробницах египетские художники создавали мир, основанный на безусловном и верном отражении действительности, но не исчерпываемый ею и не объясняемый только на ее основании... Воспринимая объективное как данное, египтяне были серьезно озабочены субъективной стороной дела, не учитывая которую современный исследователь не только не может понять соответствующие тексты..., но и проходит мимо важного историко-культурного явления...»¹².

Обратимся к иным, как правило, «небытовым» (признавая условность этого понятия для древней, и все еще относительно мало дифференцированной культуры) изображениям человеческой деятельности на доаккадских печатях. Мы увидим, что этот анализ имеет далекие перспективы. Он неразрывно связан с решением или по крайней мере прояснением проб-

⁶ *Amiet. La glyptique mésopotamienne...*, № 312, 314, 315, 317, 328.

⁷ *Idem. Glyptique susienne...*, № 616.

⁸ Г. Фрэнкфорт допускал, что люди, изображенные скорчившимися около сосудов, могли быть не только гончарами, но и очищающими сосуды. В таком случае он предлагал рассматривать эти изображения как сокращенный вариант более развитых сцен приношений (*Frankfort. Cylinder Seals*, p. 37).

⁹ *Ibid.*, p. 22.

¹⁰ *Parrot. Op. cit.*, p. 258.

¹¹ Антонова Е. В. Духовная культура и глиптика древнего Двуречья. — НАА. 1981, № 6.

¹² Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978, с. 18.

лемы необычайно высокого развития в Двуречье искусства глиптики и сложной проблемы семантики печатей¹³.

Один из самых распространенных сюжетов глиптики додинастического и раннединастического времени — культовые сцены: процессия людей направляется в сакральную постройку или к символу божества с приношениями, причем люди могут плыть в лодке¹⁴. Перед постройкой или символом божества изображаются животные и сосуды¹⁵ (рис. 1, 10). Такая более или менее сокращенная передача одного сюжета — характерная черта глиптики этого времени¹⁶. Изображения приношений, а также сцены у различных сакральных построек близки до идентичности изображениям на вотивных предметах той же эпохи, в частности на знаменитой вазе из Урука¹⁷.

Приношения в храм часто передаются как совершаемые во главе с персонажем, который получил условное название «царь-жрец»¹⁸, хотя более правомерно его было бы именовать «вождем-жрецом». Среди сопровождающих его персонажей он выделяется головным убором и одеждой. «Вождь-жрец» выступает в различных сценах в период Урук и Джемдет Наср: он предлагает растения животным¹⁹, принадлежащим, судя по находящимся рядом символам, божеству²⁰. Он убивает людей у храма или присутствует при их, вероятно, жертвенном убийстве²¹ (рис. 1, 11—13, 16). Этот же персонаж изображен на стеле из Урука стреляющим из лука в льва и колющим льва копьём²².

Деятельность «вождя-жреца» в сценах на печатях и других памятниках носит сакральный характер, что могло быть выражено более или менее явно. В первом случае он совершает действия непосредственно около культовых построек, т. е. посвящает то или иное деяние божеству. Но можно думать, что не менее сакральный характер носит и его охота на хищников. Животные, в частности хищные, — постоянные «участники» культа. На одной из печатей «вождь-жрец» приносит убитого льва в храм²³. В осно-

¹³ Говоря о семантике древних вещей, не следует забывать, что она была многообразной, и различные с современной точки зрения свойства могли сочетаться в одной вещи. Поэтому предлагаемые исследователями разные интерпретации могут не исключать, а дополнять друг друга, разумеется, в том случае, если они хорошо аргументированы. Таким образом, «множественность» существующих толкований тех или иных вещей — результат полисемантической и полифункциональности объекта. Печати — знаки собственности, но также и талисманы, и амулеты, а изображения на них имеют свою, хотя и связанную с этими функциями, семантику. В живой культуре эти различные стороны обычно выступают в единстве и расчленяются лишь в научном анализе. См. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология. — В кн.: Материальная культура и мифология. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XXXVII. Л., 1981.

¹⁴ *Amiet. La glyptique mésopotamienne...*, № 203, pl. 13 bis, № 656—658.

¹⁵ *Ibid.*, № 214, 620—632.

¹⁶ Антонова. Ук. соч.

¹⁷ *Parrot. Op. cit.*, p. 254—255, pl. IV.

¹⁸ *Amiet. La glyptique mésopotamienne...*, pl. 13 bis, № 642—651, 655; об эволюции облика «царя-жреца» см. p. 77—100, 112.

¹⁹ А. Парро считает возможным видеть в этом персонаже и подобном ему двух высших функционеров древнейших государств — гражданского и религиозного предводителей (*Parrot. Op. cit.*, p. 243).

Представляется, что изображения дают основания скорее для более общей интерпретации, предложенной, в частности, П. Амье. Персонажа, предлагающего животным растения, А. Мортгат сопоставлял с Таммузом, «господином стад» и «пастырем» (*Moortgat A. Tammuz. B.*, 1949). А. Парро возражал ему, что тот же персонаж изображен и в иных сценах (*Parrot. Op. cit.*, p. 252). Однако точка зрения А. Мортгата представляется не лишенной оснований, но выраженной слишком прямолинейно. Формально изображения персонажа с растениями и животными сближаются с более древним образом покровителя зверей, поэтому и мифологическое понимание образа вождя-жреца, вероятно, восходит к представлениям о божественном покровителе животных и растений.

²⁰ *Amiet. La glyptique mésopotamienne...*, № 636—640.

²¹ *Ibid.*, № 659—661.

²² *Ibid.*, № 611.

²³ *Ibid.*, № 642.

ваних храма В в Уруке найдены скелеты львенка и пантеры²⁴. На изображениях охотой занимается не только «вождь-жрец», но и обнаженные люди, поражающие львов²⁵. По мнению П. Амье, эти сцены могут быть отнесены к числу бытовых, так как охота играла роль подсобного промысла²⁶. В то же время он выделяет группу печатей, изображающих героя, покоряющего животных, опять главным образом хищников²⁷. Внешне он отличается как от нагих охотников, так и от «вождя-жреца» — он побеждает зверей без оружия. Нам кажется, что «контекст», в котором встречаются образцы хищных животных и сами сцены охоты, позволяет предполагать, что в изображениях на различных памятниках этого времени охота не рассматривалась как повседневная деятельность, но каким-то образом связывалась с культом и, вероятно, мифологическими представлениями.

Итак, в глиптике Двуречья додинастического времени обнаруживается ряд сюжетов, на первый взгляд представляющих сакральную и обычную деятельность людей. Следует отметить, что изображения людей встречаются на печатях вообще реже, чем животных — коз, овец, хищников, зверей домашних и диких. Додинастическую глиптику отличает жизненность передаваемых в ней объектов, редкость фантастических персонажей. В раннединастическое время от этой традиции отходят: появляется большое количество изображений мифологических персонажей, поражающих хищников, героев, фантастических существ, редко — богов. Стиль изображений становится более условным. В аккадской глиптике появляются явно мифологические сюжеты, часты (особенно по сравнению с раннединастическим периодом) изображения богов. Нет оснований сомневаться, что аккадская глиптика продолжает развивать традиции раннединастической. Если в ней обнаруживаются сцены на мифологические темы, «иллюстрации» мифологизированных ритуалов, по крайней мере тенденция к формированию этого пласта должна была существовать уже в недрах додинастической глиптики. В то же время в ней, как уже говорилось, представлены персонажи, обладающие по преимуществу признаками реальных существ, занимающиеся различными, но в целом повседневными делами. Однако анализ таких сюжетов, как охота, показал, что повседневные занятия, по крайней мере находившие отражение в памятниках изобразительного искусства, имели своей конечной целью ритуал. Современники, хорошо знакомые со смыслом изображений, понимали, что сакральная цель охоты «вождя-жреца» может быть выражена разными способами: и передачей момента убийства льва и поднесения его храму. В первом случае подчеркивалась мощь вождя, во втором — его богобоязненность. Изображения, внешне изолированные, могут сочетаться и в этих сочетаниях выявляется их глубинный смысл: ритуал, служение божеству. Уход за стадами животных переходит в сцену подношения их божеству; люди рыхлят землю мотыгами, но персонаж с земледельческим орудием (в данном случае серпом²⁸) может изображаться направляющим в храм явно для совершения ритуала.

Та же тенденция связывать практически любой сюжет с ритуальным действием сохраняется и в глиптике раннединастического времени. Например, распространенные в это время сцены священной трапезы сопровождаются иногда изображениями идущих или стоящих животных²⁹, терзанием хищником травоядного или «спором» за травоядное антропо-

²⁴ Ibid., p. 88.

²⁵ Ibid., № 602—609.

²⁶ Ibid., p. 77.

²⁷ Ibid., № 614—616.

²⁸ Ibid., № 672.

²⁹ Ibid., № 1158—1164.

морфного персонажа и хищника³⁰, изображениями дароносцев³¹ и т. д. (рис. 1, 14—15). И здесь мы видим стремление мастеров посредством объединения разных изобразительных мотивов выразить идею служения божеству. Факты позволяют сделать вывод, что все сцены, в которых изображены люди или антропоморфные персонажи, передают ритуальное действие, представленное более или менее реально, но одновременно в мифологизированной, «метафорической» форме. Этот вывод представляется в равной степени справедливым для додинастической и раннединастической глиптики.

Такое понимание изображений человеческой деятельности объясняет, как кажется, почему в додинастической глиптике преобладают сцены ухода за скотом и какие-то операции, быть может, действительно, изготовление сосудов. Скот и сосуды разных форм — наиболее распространенные приношения божествам. Показательно, что и в сценах, изображающих реальную жизнь людей на стенах египетских гробниц, также господствует мотив принесения пищи покойному: «В основе заупокойного культа Древнего царства продолжало оставаться примитивное представление о сохранении у умерших тех потребностей, которыми обладают живые люди, и главной задачей этого культа по-прежнему было стремление обеспечить умершего едой и питьем. Порожденное первобытным страхом перед голодом и жаждой, это стремление отражено во всех погребальных обрядах. В заупокойных молитвах и закланиях постоянно звучит ужас перед возможной перспективой загробного голода»³². То же стремление избежать голода, добиться изобилия растений и животных, получить пригодную для орошения и питья воду составляет ядро культовой прагматики древних обитателей Двуречья³³. Совершая ритуалы, снабжая пищей богов, они обеспечивали свое существование.

Все исследователи, изучавшие печати Двуречья IV — III тыс. до н. э., считали их знаками собственности, но также амулетами и талисманами³⁴. Лишь некоторые образцы, находящиеся в храмах или снабженные специальными надписями³⁵, считаются вотивными. Отсутствие непосредственного указания на вотивный характер предмета не позволяет утверждать, что он имел такое предназначение. Между тем все, что известно об изобразительных памятниках Двуречья по крайней мере III тыс. до н. э.,

³⁰ Ibid., № 1179—1180. Понимание сцен терзания хищником травоядного как образа жертвы в «контексте» изобразительных памятников Двуречья основано на ряде аргументов. В пользу этого свидетельствуют изображения такого рода на вотивных сосудах, т. е. предметах, принесенных в жертву (сосуды из Телль Аграба и Урука начала III тыс. до н. э.: Parrot A. Sumer. P., 1960, pl. 93—94), сочетание сцен терзания с изображениями ритуальной, по всей вероятности, жертвенной трапезы, формальная близость этих сцен сценам охоты, о значении которой уже говорилось выше. Разумеется, предлагаемая интерпретация сцен терзания в изобразительном искусстве Двуречья не исчерпывает их семантики. Как и другие изобразительные мотивы и сюжеты, они полисемантичны, и различные стороны их значения определялись рядом причин в пределах тех культурных «контекстов», где они появлялись.

³¹ Amiet. La glyptique mésopotamienne..., № 1183—1184, 1186—1188 и др. Участники трапезы, как справедливо полагал Г. Фрэнкфорт и другие исследователи, — не боги, а, как правило, смертные (Frankfort. Cylinder Seals, p. 77). Изображения на печатях, как и на вотивных плитах раннединастического времени (Frankfort H. Sculpture of the third mill. B. C. from Tell Asmar and Khafajah. — OIP, v. XLIV, Chicago, 1939), служили, как можно думать, напоминанием божеству о ритуальных действиях.

³² Mambé M. Э. Искусство древнего Египта. Л.— М., 1961, с. 112.

³³ О теме голода в литературе Двуречья см. Jacobsen Th. Ancient Mesopotamian Religion: the General Concerns. — PAPS, v. 107, 6. December 1963.

³⁴ О функции печатей как амулетов и талисманов есть свидетельство письменных источников: Oppenheim A. L. The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. — TAPS, n. s., v. 46, pt 3, 1956, p. 3. Возможно, что характер «дробления» основной темы — служения богу — на отдельные изобразительные звенья, которые имели самостоятельное значение, был связан именно с этой стороной их значения. Изображения животных должны были способствовать их изобию, эротические сцены служили тем же целям и продолжению рода и пр.

³⁵ Amiet. La glyptique mésopotamienne..., № 489.

приводит к выводу, что их «адресатами» были божества³⁶ — исключительно или наряду со смертными. Поэтому можно думать, что и оттиски, делавшиеся для защиты имущества или подтверждения подлинности документа, служили и важной с точки зрения древних цели — они являлись даром божеству, напоминанием о действиях, которые соответствовали божественным установлениям. В додинастическое время среди других приношений богам важным считался не только тот или иной результат труда, но и сам труд.

В Двуречье существовали мифы о том, для чего были богами созданы люди. Мифы эти, по словам А. И. Тюменева, имевшие «точно так же свою специфику, как и общественный строй этой области», проливают свет на «характер общественного строя... древнего Двуречья»³⁷. Эти мифы сохранились в записях не позднее начала II тыс. до н. э., и И. М. Дьяконов сделал поэтому вывод, что «теория» о назначении людей служить богам сложилась в период правления III династии Ура, когда усилилась царская власть и достигло расцвета бюрократическое хозяйство³⁸. Анализ данных глиптики показывает, что миф о судьбе людей служить богам был актуален и более чем за 1000 лет до письменной его фиксации. Очевидно, он не был «изобретением» жрецов, но вырос из представлений поры разложения первобытного общества и сложения государства. Вероятно, обязанности людей по отношению к их богам, благодаря благосклонности которых они получают урожаи, имеют детей, избавляются от болезней, были осознаны уже в это время. Нельзя исключать возможность того, что миф такого типа стимулировал усилия людей и при проведении общественных работ, выходящих за пределы очевидных потребностей отдельных хозяйственных ячеек.

Мы не будем останавливаться на изложении шумеро-вавилонских мифов, хорошо известных благодаря ряду работ, в том числе упоминавшемуся исследованию А. И. Тюменева и книге С. Н. Крамера³⁹. В них говорится о трудностях богов, которые не могли обеспечить себя необходимым количеством пищи, не знали одежды, не насыщались зерном и продуктами животноводства. Создание людей избавило их от забот о пище, жилье и одежде⁴⁰.

Однако — и это представляет особую важность для определения смысловых перспектив образов глиптики — миф о создании человека — работника богов — был не единственным мифом, где говорилось о «трудовых установлениях». Предшественниками людей на поприще земледелия, скотоводства, ткачества и вообще всех видов деятельности считались боги,

³⁶ Ср. мнение О. Оппенгейма о царских надписях Двуречья: они рассматривались как средство общения царя с его божеством. В них сообщалось о военных походах, строительстве храмов, каналов и т. д. Лишь небольшая часть надписей располагалась в доступных для обозрения местах, большинство же закладывали в фундаменты зданий или выбивали на скалах (Oppenheim L. Assyriology — Why and How? — CA, 1960, v. 1, № 5—6, p. 415).

³⁷ Тюменев А. И. О предназначении людей по мифам древнего Двуречья. — ВДИ, 1948, № 4.

³⁸ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 261.

³⁹ См., в частности, Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 132—136.

⁴⁰ В древнем Египте сцены принесения даров, охоты, различных ритуальных действий, т. е. тематически совершенно аналогичные тем, которые делали на печатях в Двуречье конца IV — первой половины III тыс. до н. э., помещали в гробницах и храмах. Они были связаны с культом не столько богов, сколько фараона — самого бога по плоти, покровителя Египта. Формы заупокойного культа фараона играли определяющую роль в развитии заупокойного культа вообще и в развитии искусства (Мамье. Ук. соч., с. 49—50). Культовым было назначение сцен, часто полных столь живой непосредственности, что современные искусствоведы их определяют чуть ли не как жанровые изображения, чего, естественно, не могло быть в древности (Groenewegen-Frankfort H. A. Arrest and Movement. L., 1951, p. 28—35).

функции которых определены высшими богами, в частности Энки⁴¹. Таким образом, человеческая деятельность имела своим прообразом деятельность богов. Структура государства, в котором сохранялись пережитки родовых отношений, отражалась в структуре пантеона. Люди работали в хозяйстве богов, низшие божества руководили ими⁴². Невозможно усомниться в том, что в условиях еще не вполне изжитого «первобытного синкретизма», в условиях господства мифологического мышления, неполной разделенности профанной и сакральной сфер образы, кажущиеся нам столь жизнеподобными, были для древних соотнесены с мифологическими образами. Более того, именно их «жизненная правда», сменившаяся иной ситуацией, может служить указанием имманентно присущей этим образам мифологичности. В последующие эпохи распространение всякого рода фантастических, нереальных существ указывает на актуализацию понимания границы между миром реальным и ирреальным. Религиозно-мифологические ассоциации глиптики раннединастического и еще более — аккадского времени становятся, таким образом, более явными.

Образы глиптики не являются зеркальным отражением реальной жизни древних. Как и любое явление идеологической сферы, они передают ее в переосмысленном виде. Однако поскольку человеческое сознание, пусть в фантастических формах выражая действительность, все же исходило из нее самой, в образах изобразительного искусства (как и в мифах) можно усмотреть некоторые специфические черты, характерные для общественной жизни древнего Двуречья. Так, набор сюжетов и характер персонажей указывают на то, что в додинастическое время труд земледельца и скотовода, труд ремесленника и строителя рассматривался как занятие, достаточно престижное для того, чтобы приноситься в качестве дара божеству, изображаться на предметах, которые имели и сакральные функции. Важно, что исполнители работ — не правитель, который предстоит перед божеством за всю общину, как это было потом, а люди, причем показанные часто не поодиночке, а группами. Эта особенность находит соответствие в социально-экономической истории Шумера периода Урук — Джемдет Наср, когда все еще большое значение сохраняла община, относительно слабой была классовая дифференциация, сравнительно редко применялся рабский труд⁴³. Уже в раннединастическое время количество изображений на эту тему уменьшается, чтобы позже исчезнуть вовсе. В Египте, где подобные изображения составляли необходимый элемент убранства гробниц, они сохранялись и развивались на протяжении всей истории этой страны. Специфика глиптики была другой; представления об отношениях людей и богов потребовали иных форм реализации в образах искусства.

Правитель, соединявший в своем лице светские и религиозные функции, первоначально тесно связанные, был в древнейшем государстве — и оставался еще долго, по крайней мере в теории, — «управляющим» бога на земле. Бог считался настоящим хозяином города-государства. «Вождь-жрец» от имени общины и для ее блага совершал ритуальные действия, руководил строительными работами, делал приношения. Возможно, с его участием в ритуалах священного брака связаны изображения приношений им в храм различных даров и эротические сцены⁴⁴. В определенных культовых ситуациях «вождь-жрец» играл роль божества, чему на печатях, по всей вероятности, соответствовали его изображения, формально близкие более поздним изображениям бога-покровителя или победоносного героя.

В раннединастическое время тема отношений людей и богов, тема дол-

⁴¹ Крамер. Ук. соч., с. 117 сл.

⁴² Frankfort H., Mrs. Frankfort H., Wilson J. A., Jacobsen Th., Irwin W. A. The Intellectual Adventure of Ancient Man. Chicago, 1957, p. 185—200.

⁴³ Дьяконова. Ук. соч., с. 160—162.

⁴⁴ Об относительно частом отправлении ритуала священного брака в додинастическое время см. Amiet. La glyptique mésopotamienne..., p. 97—98; № 831, 845, 850.

га служения богам приобретает в глиптике несколько иные, чем прежде, формы. Большое место начинают занимать так называемые «фризы сражавшихся» — изображения схваток антропо- и зооморфных героев с хищниками⁴⁵. В них в более мифологизированной, метафорической форме, чем прежде, отразилась тема войны и охоты, конечной целью которых была жертва богу. Значительно меньшее, чем раньше, место занимают изображения ухода за скотом, часто сочетающиеся теперь с темой сакральной трапезы. Глиптика этого времени отражает изменившуюся общественную ситуацию, утверждение государства, в котором все большую роль начинает играть правитель. В представлениях об отношениях людей и богов он играет все более важную роль, выступая посредником между подвластными ему людьми и божествами. После аккадской династии, во время которой еще сохранялись древние традиции, глиптика превращается в средство прокламирования верности богу и царю, часто — богу через посредство царя. Таковы бесчисленные и однообразные изображения предстояния смертного и его бога-покровителя перед высшим божеством, характерные для конца III тыс. до н. э. и вавилонской глиптики.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть важность даже при частных исследованиях древних памятников учета их сложности, полифункциональности и полисемантической в той среде, где они бытовали. Это позволит сделать более понятным нам столь далекий мир древних.

Е. В. Антонова

GLYPHTIC ART OF THE END OF THE IV — FIRST HALF
OF THE III MILLENNIUM B. C. IN MESOPOTAMIA
AND CONTEMPORARY NOTIONS OF THE DESTINY OF MAN

Ye. V. Antonova

The author considers the possible connection between a group of seal-engravings from Mesopotamia and the Sumerian myth about the predestination of man. She has in view the so-called «scenes from everyday life», which in her opinion cannot be adequately interpreted without reference to the mythological background. Ancient representational art, which in one or another degree reflects reality, was associated in the minds of its contemporaries with myth and ritual. Therefore scenes depicting the artisan at work, or the cultivator or builder or hunter, had in some measure a ritual meaning, since the persons depicted might be regarded as people serving the gods. Although written records of myths telling how people were created that they might serve the gods belong to the early II millennium B. C., the «scenes of everyday life» engraved on the seals and having a sacral function show, in the author's opinion, that such myths existed more than a thousand years earlier.

⁴⁵ Афанасьева. Гильгамеш и Энкиду...